

Андрей Рассказов

Игра в города

Поэтический сборник

Киев 2005

Игра в бисер

Андрей Расказов. Когда я впервые встретила с его творчеством на страницах одного из литературных Интернет-сайтов, где он публиковался под псевдонимом Гендальф, я решила, что за этим красивым именем скрывается девушка. К своему стыду, я не читала Толкиена и до недавнего времени не смотрела фильмы по его книгам, поэтому просто обратила внимание на то, что здесь, на юмористическом сайте с определенным кругом тем и образов, традициями жесткого мужского стеба, этот автор со звучным ник-нэймом заметно выделяется на общем фоне. Чем? Тонким юмором. Изящным слогом. Литературностью. Гибкостью. Узнаваемой и умелой игрой со словом и смыслом.

...Затем я познакомилась с творчеством Расказова на «серьезном» поэтическом сайте. И опять ошиблась, сочтя «Андрея Р.» человеком в годах и этаким учителем, поэтом из породы мастодонтов... За что? За философичность. За мастерство. За непринужденность языка и внутреннее спокойствие — черты, свойственные опытным авторам и мудрым людям.

Когда же, наконец, летом 2004 года в Питере состоялось наше личное знакомство, я вовсе не ожидала, что этот мудрый, тонкий, ироничный, интеллектуальный Расказов окажется совсем еще молодым человеком с внешностью добра-молодца из русских сказок.

Сборник «Игра в города» можно было бы назвать «Такой разный Расказов». И, читая эту книгу, я поняла, что, в общем-то, моя интуиция была права, подсовывая мне такие, казалось бы, несовместимые образы одного автора.

Здесь есть стихи от женского имени. И как тут не обратить внимание на отличное знание женской психологии, над которой автор метко, но при этом тонко, «в неопасных дозах», и, что особенно бросается в глаза — с любовью, шутит:

*Сидишь, идёшь, и вдруг волной накатит
И слышит, не оставив ничего.
Понятно всё, намёков явно хватит —
Я влюблена, бесспорно. Но в кого?!*

Здесь есть философские рубаи — и вот уже волшебный старец, рассуждая о законах бытия, передает знания своим ученикам — вроде бы на полном серьезе, а сам нет-нет да мигнет задорным глазом юнца-хулигана:

*Вы не сочтите за гнилую спесь —
Невысоко ценю пол слабый весь.
Но признаю, что и средь сонма женщин
Удачно Богом сделанные есть.*

Наконец, здесь есть полные жизни, поэтического озорства, чудесных метафор и пронзительной лирики циклы зарисовок «Из Питера с любовью» и «Год Обезьяны», про которые можно много писать, но лучше — читать и перечитывать... Приведу все же несколько фраз, которые я сразу же выхватила из текстов и полюбила — это и Питер, «застегнутый на хлястики мостов», и «дельфины, морские люди», и «...разум, если был, то — был таков», и «январь чреват всего лишь февралём»...

Расказов видит смешное в вечном и вечное — в смешном. Для него естественным является прекрасное и прекрасным — естественное. Пожалуй, показательным в этом смысле для меня стало стихотворение «Ночью в карауле» — живописные, сочные, дышащие свежестью прекрасные 9 строф, на которые автора вдохновила, как мы понимаем в середине стихотворения... малая нужда!

*...Вот, наконец, ущербная луна,
выглядывая из-за обваловки,
свидетельствует: весело и ловко
из плена тела освобождена,
блестящая дуга пронзает мглу
и долго полурадугой сверкает
богаче, чем владычица морская,
слагая гимн падения углу.*

Наверное, только Расказов умеет так поэтично рассказывать о таком простом и так красиво уйти в вертикаль в конце стихотворения:

*А с неба, не стесняясь никого,
сигналили летающие блюда,
что через десять месяцев начнутся
три года жизни лучшие его.*

Лирик и реалист, юморист и философ. Удивительно, что такие разные грани одного автора не воспринимаются как маски. Образы, в которых является

нам Рассказов, выписаны искусно, но в них нет искусственности. И подозреваю, что столь разные произведения соединены автором в одном сборнике далеко не случайно, потому что главное ощущение от книги, которое остается, когда прочтена последняя страница, можно выразить вероятнее всего в слове «органичность». Или — «гармония». По крайней мере, так было со мной.

И напоследок — небольшое стихотворение, в котором соединились острый ум, владение словом, самоирония, адекватность, умение кратко и концентрированно выражать мысли — качества, которые в поэзии в целом и в творчестве Андрея Рассказова как в счастливой частности я ценю сильнее всего:

*Усевшись в самомненья юркий глассер,
Спрошу я с оттопыренной губой:
«О боже мой, пред кем мечу я бисер?!»
А жизнь ответит мне: «Перед собой...»*

Маша Дубиковская aka Сестры Карамазовы

Интернет-ссылки

Стихи.ру (основная страничка):

<http://www.stihi.ru/author.html?Andrew1R>

Стихи.ру (страничка с пародиями):

<http://www.stihi.ru/author.html?peregud>

ТЕРМИТник поэзии:

<http://www.termitnik.dp.ua:8101/author/andrew1r/>

Рифма.ру:

http://rifma.net/rifma.php?curr_node=6&user=438

Хохмодром (юмор от Гендальфа):

gendalf.hohmodrom.ru

Список иллюстраций

«Предчувствие полёта»

«Косяк»

«Мегаполис. Пикник»

«Восток. В ожидании дождя»

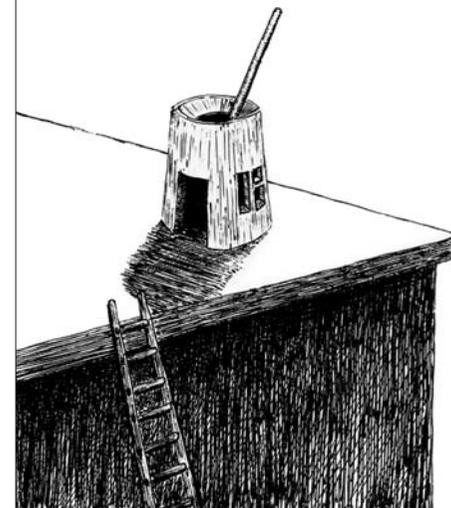
«Убежище или максимальный минимум»

«Русалочка»

«Атака»

«Выход есть»

Из Питера с любовью

Питер. Каналы и мосты

Застёгнутый на хлястики мостов,
Санкт-Петербург — само очарованье
и здравицу с нескучными словами
принять он с благосклонностью готов.

В канву канавок только опусти
ты взгляд и ощутишь свою макушку
звенящей алюминиевой кружкой,
продрогнув до «последнего прости».

Отпущенные матерью-рекой,
Фонтанка с Мойкой разве попрошайки?
Туристов веселящиеся шайки,
меж тем, в них мечут мелочь день-деньской.

Вот упекли каналию в канал!
Будь лебедь, утка, карп ты или окунь,
так окунать — немножечко жестоко:
над медью чахнет Чижик-маргинал.

От замысла до мелкого гвоздя —
раденье Императорской короны.
Об этом капитаны в микрофоны
вещают, ловко волны бороздя.

На питерский классический мундир,
по счастью, не лишённый позументов,
ложатся тускло блещущие ленты,
приют прозрачных северных ундин.

Пусть все отражения в клочки —
их снова собирает Питер кроткий.
И только ночью он под подбородком
расстёгивает тесные крючки.

Питер. Новая Голландия. Silentium

Огромной грозной гроздью винограда
Качается горбатая громада
И наш лисицын зуб её не ймёт.
Надменная загадочная Арка
Кирпичным циклопическим подарком
МанИт нас, рыб, в свой тёмный перемёт.

Кружим мы, на мосты ступить не смея,
И в нас новоголландская камея
Всё глубже ставит жгучую печать.
Нет, тополя — не тени гордых росов,
Но с мудростью нордических матросов
Они нас учат, маленьких, молчать.

Питер. «Аврора»

На вечном туристическом приколе
железным бумом высится «Аврора».
Предписано в небесном протоколе
ей было проявить когда-то норов.

Недаром тот снаряд был бутафорским:
с годами сутью внутренней истаяв,
набрав по мачты сдержанного форсу,
она теперь вся в целом холостая.

А рядом господам на удивленье,
фланирующим с дамами в обнимку,
практически живой товарищ Ленин
недорого берёт за фотоснимки.

Питер. Вотская пятна today

На берегу разлётся Петербург.
 Амфибия с лучистыми глазами,
 трубя в свою подзорную трубу,
 сдаёт три века длящийся экзамен.
 Затеяливо-чугунные цветы
 и ростров полыхающая пара,
 широкие шикарные мосты
 и тесные тесёмки тротуаров.

У тех мостов то свадьба, то развод —
 лишилось сна опешившее солнце.
 Стальные переливы невских вод
 фиксируются камерой японца.
 Колонны, стены, окна, купола —
 свидетели триумфа или краха.
 И щурится из тусклого ствола
 ударный в середине амфибрахий.

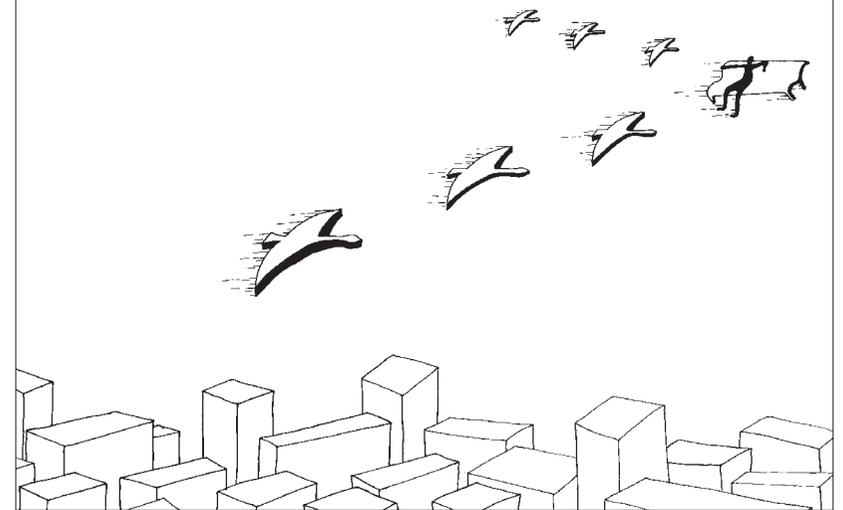
Питер. Закаты на ул. Доблести

Смотри, смотри — Гутуев и Кронштадт,
 свидетели всех случаев счастливых,
 как парочка притихших лягушат,
 глядят из озарённого залива.

В него впадает мощная река,
 змеясь по серебру узорной чернью,
 невероятной роскоши закат
 велит впадать в экстаз ежевечерний.

Часами длится шоу облаков,
 опутавших светило сеть пышной,
 и разум, если был, то — был таков,
 и чувства сладко стонут еле слышно.

Год обезьяны

Зимняя зарисовочка

Настала настоящая зима,
лежит пирог с хрустящей коркой-настом,
и по ночам настырное ненастье
окучивает снулые дома.

Ещё сильнее нас Турция манит.
Наверняка настурции сестерций
цветёт там. Но настольной влаги с перцем
удерживает праздничный магнит.

Присыпаны сверхплановым углём,
несутся туч растрёпанные снасти.
Мечтая распахнуть все окна настезь,
справляем день рождения «гимнаста».
Январь чреват всего лишь февралём.

Консервированное лето или Зимнее неунывающее

Кате Непомнящей

В небе не лукавство, но — лекарство.
Только береги свои глаза
от солдат заснеженного царства,
Нежной Королевы государства.
К нам зима? А мы вот даже «за».

Ночи всё короче и короче?
Ненадолго этот окорот.
Пусть земля на время смежит очи,
отдохнёт, накопит прану в почках...

Мы ж пока насмешливо, как крот,
вытащим из главного чулана
с номером трёхзначным на боку
баночку такой благоуханной,
в этот день особенно желанной
летней песни в собственном соку!

Ночью в карауле

Таки тиха украинская ночь
в Полтаве, Сумах и Днепродзержинске.
Цикады завели свои пружинки,
чтоб песнь песней без устали толочь
и делать лишь полнее тишину.
Местами их поддерживают жабы,
внедряя во Вселенную неслабо
тугих рулад басовую струну.

Спит мирно ПВО-шный полигон,
спят потные солдаты и курсанты,
умаявшись внедрять свои таланты
под сенью оглушающих погон.
Но часовые, может быть, не спят
на вышках среди локаторов секретных,
не по уставу тешась сигареткой,
пугливы, словно суслик-долгопят.

И караулка будто умерла.
Начальник спит. Из «бодрствующей смены»
все как один поддались вдохновенно
влиянию Морфеева крыла.
Но чу! На невысокое крыльцо
выходит полусонный разводящий,
потягиваясь, нежа каждый хрящик,
почёсывая сладостно лицо.
Проведать караульный туалет
в такую ночь? Совсем неэстетично.
Приятнее и даже романтичнее
оставить метку, скажем, на стволе.
Не автомата, дерева. Оно
расти пыталось сбоку от крыльечка,
но близость с караульными калечит
и деревце, увы, обречено.

Но нет, калитку тихо отворив,
идёт наш разводящий за пределы
ограды, направляя поступь смело
в ту сторону, где утренней зари

заряды будут резать небосвод.
Но это после, а сейчас, роскошный,
он россыпью сокровищ невозможных
манит достать до дна бездонных вод.

Всё дальше, прочь от света фонарей,
всё глубже в ароматы разнотравья!
Очарованию отказывать не в праве,
он естества намёки («поскорей!»)
не слушает, лицо уставя ввысь,
и видит очертания созвездий
и спутники, что только прямо ездят,
в плену земных обычаев, увы.

А в спутнике отважный капитан,
а может быть, майор ужасный лазер
наводит в зад американским бразерс,
зажав в зубах пелевинский каштан.
Игра светил, однако, далека,
всё громче зов стремлений всем известных...
Неплохо бы, запомнив это место,
не рвать здесь впредь побегов чеснока.
Вот, наконец, ущербная луна,
выглядывая из-за обваловки,
свидетельствует: весело и ловко
из плена тела освобождена,
блестящая дуга пронзает мглу
и долго полурадугой сверкает
богаче, чем владычица морская,
слагая гимн падения углу.

На вышке шевельнулся часовой.
Обратный путь и проще и короче.
Изведав плен июльской ясной ночи,
шёл разводящий тихий, сам не свой.
А с неба, не стесняясь никого,
сигналили летающие блюда,
что через десять месяцев начнутся
три года жизни лучшие его.

Поцелуй на ветру взглядов

Инне Райтаровской

дай мне губы скорей ты невеста сестра
под огнём любопытных кивков
нам прощаться прощаться прощаться пора
слышен звон повседневных оков

поцелуй на ветру взглядов звуков толчков
о таком ли мечталось вчера
за зубами останется жар языков
откровенность нелепость игра

Развод

Люсе Иванцовой

Давила крыша на кариатиду,
Кормёжка, кариес, картавость и картуз.
Супругово либидо и мортидо —
Опять на ней, то видно за версту.
Карьера, огибая все карьеры,
Всё в гору шла, копытами пыля...
Доколе же домашняя Венера
Повинна быть рулём у корабля,
А также дном, покрышкой и ветрилом?!
Натёр терновый голову венец.
Пришла пора, настало время, милый,
Заканчивать, кончать и класть конец.

Чёртово колесо

В утлой лодочке небесного трамвая
колокольчиком заржавленного бубна,
птичьей трассы ненароком задевая,
слыша снизу глас нестройный и нетрубный,
по дуге крутой уносимся мы в небо,
за цепочкою на цыпочки вставая.
Ну ещё бы — любопытным на потребу
всюду город развалился караваем.
Купола, холмы, коробки новостроек,
ртуть реки слегка шевЕлит рукавами...
Без данайцев обошедшаяся Троя,
гимн, записанный ландшафтными словами.

Провисев секунду в зыбком апогее,
плавно валимся на пышные верхушки.
Так выходит, нам по крови ближе Гея,
чем Уран?.. Его любимые игрушки
очень скоро, словно ангельские глазки,
нам пошлют свои холодные фотоны.
Не поверим — то всего лишь капли краски
на просторах бутафорского картона.
На горячем их поймать не удаётся —
колесо свою снимает на ночь сбрую,
а небесного бульона чудо-клёцки
эту сАнсару надёжно маскируют.

Свидание

Тане Алексеевой

Воткнули вкось земную ось,
Боднул её рогами лось
И так от века повелось —
Спешить навстречу.

Двенадцать месяцев в году
Луна мне шуруется в саду.
Когда ж захочет (тихо жду)
Стать томным вечер?

Фонарь. Аптека. Старый дом.
В реальность верится с трудом,
Дорога в даль покрыта льдом
(Сгущаю краски).

Окно распахнуто в сирень,
В него нам выпал новый день
И всё такая дребедень...
Родная, здравствуй!

Весенняя бессонница

Тане Нестеровой

Желанье наслоилось на весну,
Без сна верчусь постыло на постели
И до утра, пожалуй, не усну.
Похоже, вы напрасно прилетели,
Надменно-востроносые грачи,
Ещё в полёте выбравшие пару!
Желание как жадный тигр рычит,
Залив под кожу щедро скипидару.
Ирония — прибежище моё,
Но и она практически не катит,
Когда растёт весеннее былё
Сквозь поры на рассвете и закате.

Камень ножницы бумага

камень ножницы бумага
тройка бестий тройка магов
бубенцы звенят
мир уступок как скорлупка
холостой хрустальный хрупкий
вывези меня

колесу судьба вращаться
жив надеждою на счастье
старое кино
много фаз в круговороте
был я за теперь я против
это не смешно

срам и страхи бред и враки
сам себя за хвост во мраке
вертит виртуал
культ подтекста и подлога
смотрят необандерлоги
серый сериал

опустели зоопарки
овцам душно в шубках парких
волку волчья сыть
с показательной отвагой
Дездемона душил Яго
так тому и быть

как добро так с кулаками
ножницы бумага камень
чья теперь берёт
Карлссон Кристер и Гунилла
как вас время изменило
вот и мой черёд

Матрица марта

Погаснув, мартовский мартен
не обещает передышки.
Трудись, упорная мартышка,
пленив слов условных плен.

Устав исправно пополнять
мартиролог матриархата,
матрос поджёт родную хату —
оплот матраса и ремня.

Вперёд — Суматра иль сума!..
Что мир? Он — матрица, матрёшка.
Триумф — аналог рваной трёшки,
сплошная радость от ума.

Майские страдания неюного Вертера

Сирень соцветья распустила
И запах выстрелила свой.
Отряд клещей заходит с тыла
Лохматой псине дворовой.

Девчонки бледненькие пуза
Повыставляли напоказ.
Кряхтя под злых гормонов грузом,
Парнишки с них не сводят глаз.

Их аппетит, известно, волчий
К животной этой гольтьбе.
А я сижую скучаю молча,
Скучаю молча по тебе.

Довольно! Вновь попасть желаю
Под сладкий глаз твоих стилет!
И в цель вонзаюсь как стрела я.
Последний рубль. Вокзал. Билет.

Воробьёвы горы

Пергаментные перья облаков,
 Парящие в глубокой высоте,
 Стоящий смиренно Университет,
 Тюльпанов алых сорок сороков,
 Туристы, иностранные на треть,
 Несметность сувенирных ворохов,
 Невесты, в окруженьи женихов
 Явившиеся лично рассмотреть
 Гвоздь панорамы — чудо-Лужники...
 И не было бы в этом волшебства,
 Когда б не мягким голосом слова,
 Когда бы не тепло твоей руки.

Скарб Арбата

По плиткам Арбата усталым, щербатым
 Идём, замешательство для.
 Сидят на корове четыре солдата
 И нету на них патруля.

Искусства в картинах на доллар с полтиной,
 С какой стороны ты ни стой.
 Размножился и забурел Буратино,
 Владелец отмычки золотой.

Когда нам безвременье не угрожало,
 Запутав вопросы в клубок?
 Летящей походкой стоит Окуджава
 И смотрит растерянно вбок.

В ладье ладони

Сидим с тобой, болтаем
 и «Балтикой» в бокале
 и под столом ногой.
 Гармония простая,
 а мы её искали
 дорогой дорогой.

Всего-то только надо
 найти ладонь ладонью
 и поднести к губам.
 И поглотит торнадо
 волшебных глаз бездонных
 и пропоёт труба.

Весь мир тогда смущённо
 исчезнет скромной тенью,
 всё зная наперёд.
 И молоком сгущённым
 растянется мгновенье,
 прольётся и замрёт.

Полет шмеля из Петербурга в Москву

Екатерине Молочниковой

Негромко спит вокзальный бомж
лицом в уютную скамью.
А я — к стеклу горячим лбом,
ночь серебрится I Love You.

А Lucy in the Sky with D.
опять загадочно тиха.
Земля у воздуха в узде
и снеба сыплется труха.
А властелиновый герой
кольцо спускает в унитаз,
чтоб огнедышащей горой
не доставали в этот раз.
Легионер и ветеран,
на веках сделал он тату:
«Багдад, будь спок! No pasaran!»
Ту надпись видно за версту.
И знак коломенской версты
себе засохнуть не даёт,
Чапаев шлёт из пустоты
столь ободряющий пейот.

У колеса стоит крупье,
оставим ставки на потом...
А бомж проснётся на скамье
и всласть зевнёт беззубым ртом.

Коктебель

Полынный ветер веет из степи,
холмы блюдут закаты и рассветы,
лоза ползёт из солнца силу пить,
раскинув цепко усики креветок.

Перебран морем тщательно песок,
грунт прокалён и кое-где отбелен,
чтоб пили мы пьянящий дивный сок
кокотливых коктейлей Коктебеля.

Судак

октябрь. на участках палить им костры бы,
но в море сигают и тёти, и дяди,
и диву даются озябшие рыбы,
на тех чудаков зачарованно глядя.

и смотрит с горы генуэзская крепость,
как крабов осенних в кульки собирают,
а ранние сумерки бархатным крепом
пейзаж драпируют от края до края.

мигает, грохочет всю дискотека,
заманчиво пахнут пустые кафешки,
и месяц, ночной пунктуальный аптекарь,
настырно ведёт за влюблёнными слежку.

Киев, 18 ноября 2004

Подарки осеннего низкого неба
легко приедаются, что тут попишешь.
Отчётливым, но молчаливым «не треба»
полны тротуары, деревья и крыши.

Оранжевых ленточек яркие взмахи —
упрямые реплики серых кварталов.
Обрывки изодранной летней рубахи
таскает старьёвщиком ветер усталый.

Повержены турки. Ноябрь на исходе.
Взахлёб выбираем меж «так» и «тому шо»,
гадательной ложечкой истоиво водим
по жирной кофейной бессовестной гуще.

Белое и чёрное

Тане Нестеровой

Небо, ветер и снег, и земля как основа,
соль и суть, ледяной и рассыпчатый ком.
Гипнотический звон изразца расписного
неизвестно зачем, неизвестно по ком.

Обнажается всё, покрывало — непрочное,
лишь пробьёт нужный час, лишь настанет момент.
Сквозь туман, суету и неясный подстрочник
смысл проступит простой и поднимет с колен.

Есть забвеньё и есть нерушимая память,
есть огонь и вода и тепло твоих рук,
есть свобода иметь в сердце место для храма
и есть силы стоять на морозном ветру.

Киев, 3 декабря 2004

А. Блоку

Ночь, улица, декабрь, палатки.
Толпится праздничный народ.
За четверть века снов несладких —
Довольно! Близится исход.

Умрут бессмысленность и горе.
На свалку скорби старый скарб!
Ночь, свет, оранжевое море,
Палатки, улица, декабрь.

Нет похмелью! Абсент

Всегда я верил в то, что мы — народ,
И что способны выказать единство,
Когда, приняв за бессловесный сброд,
Нам морду кажет сказочное свинство!

Наколотый не вечен апельсин,
Похмелье неминуемо наступит,
Но сколько распрямилось нынче спин,
Из скольких глаз исчезла грусть и тупость!

Сестёр и братьев бешено любить
Не стоит, пусть любовь спокойной будет.
Мессий не надо, не порвать бы нить,
Которую мы вместе свили, люди!

Альтернативный отдых*Елене Максиной*

Желанье ехать в таиланды
под Новый год волною смыло.
Пускай не вырезаны гланды,
зайдём зиме мы смело с тыла!

В Сибирь! В таёжные пампасы!
Пельмени, водка, водка, водка!
Извивы знойной лыжной трассы,
мороз, отросшая борода.

Всю ночь под шубами в постели
сжимать друг дружку с лёгким хрустом.
И так — неделю, три недели!..
Пока не кончится «капуста».

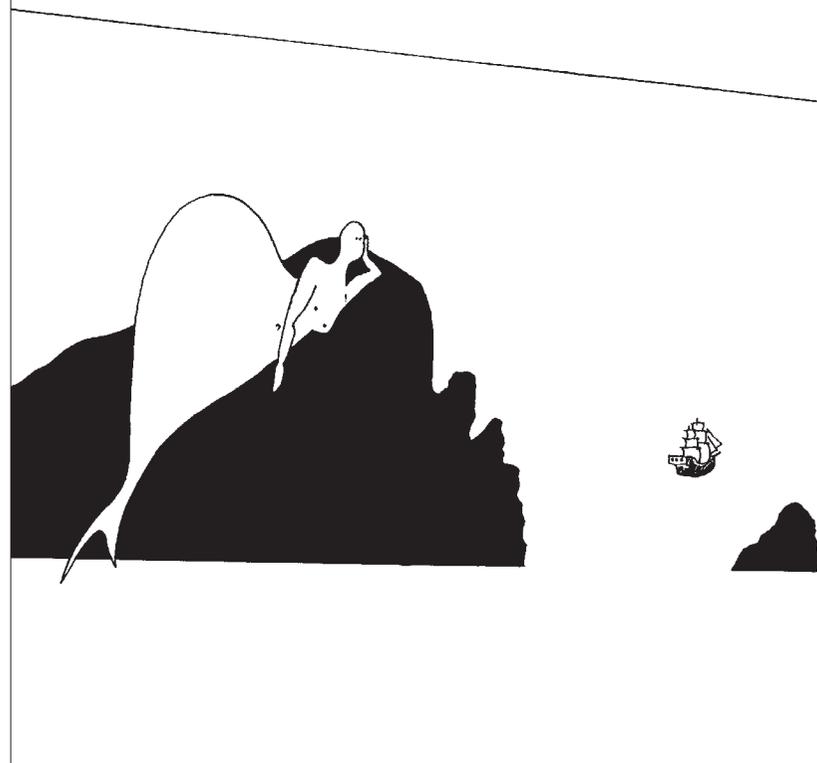
Зимний ПХД**Елене Максиной*

Зима. Очкастый доктор Фрейд
открыл отмычкой черепушку.
Скелеты дохлых декабрей
выходят строем на просушку.
Но не суставов — наста скрип
и пляска искр в богатстве спектра.

Закомплексованный Эдип
раз в год шампусик пьёт с Электрой.
Цыплёнок, будущий Петух,
наследник бойкой Обезьяны,
их услаждает взор и слух,
а также прочие изьяны.

**ПХД — парково-хозяйственный день*

Некоторые стихи 2001-2003 гг

Архитектура Подмосковья (размышления актёра Шабашова*)

Курнуть на лавочке дешёвых сигарет,
Каких не пробовали те, что за путями
Теперь настроили коттеджей с флюгерами,
А сверху — башни, реже — минарет.

Давиды голые из мрамора торчат
Везде — на крышах, в нишах, в окнах, на террасах.
От купидонов и венер не стало спасу.
Нет света в окнах тех, а в небе нет галчат.

Как можно строить мавританский замок тут —
Средь подмосковных нищих дач и елей синих?..
Давиды плятятся впустую на осины...
А я ведь знаю, где всю эту «красоту»

Творцы дворцов крутых надёргали — из снов,
Тех, подростковых, из диснеевских мультяшек,
Из сладко-вычурных фантазий, из ненаших
Эпох и стран любых. Такой шанхай не нов.

Вот наворочали: кто в лес, кто по дрова.
Друг к другу лепятся теснее, чем опята,
Шале, палаццо, кремль мечтою Герострата.
Не продохнуть, забор в забор, пройдёшь едва.

И вот вам памяти досужей баловство —
Такое видел я в предместье Барселоны,
На кладбище. Дворцы надгробные, колонны
Как раз для мёртвых там уместны, для того,

Чтоб удивлять людей живых со стороны
Архитектурой столетий, что минули.
Но чтобы внутрь меня или других тянуло —
Такие мысли, согласитесь, всё ж странны...

*из повести А. Дмитриева «Призрак театра»

Без третьего глаза

Он правым глазом видел радость
(Тот был как око мудрых кобр),
И красоту, и жизни сладость.
И этот глаз его был добр.

Он левым глазом видел мерзость.
Мир — драный выцветший камзол,
И богохульств понятна дерзость.
И этот глаз его был зол.

Колючий ком противоречий.
Где воплощённый идеал?
Натуры пленник человечьей,
Что делать с этим, он не знал.

Его души был в этой фазе
Тяжёл и сыр незрелый хлеб.
Без зренья теменного глаза
Он был, как все другие, слеп.

Не-бо, не-беса

Не-бо — значит, нет Бога там?
Не-беса — значит, нет бесов в них?
Бог — везде, знание добыто.
Бесы — в нас, если хочешь — гони.

Секс с любимой женщиной

Да, мир огромен, бесконечен,
Но я забыть его готов,
С тобой, мой свет, желая встречи.
И вот сожженных нет мостов,

Есть только ты, есть я, есть ложе.
А ничего другого — нет!
И нет границ, и невозможен
Любой, пусть крошечный, запрет.

Стремиться нежно, влиться властно
В твои ложбины и холмы.
Пусть различается неясно
Та грань, что между «я» и «мы»!

В лесу волос твоих блуждая,
Купаясь в безднах дивных глаз,
Волнообразно умираю
И возрождаюсь каждый раз.

Какие могут быть сомненья,
Когда достигнут рай земной!
Дрожа в порыве единенья,
Я стал тобой, ты стала мной!

В сиянии всё плывёт по кругу...
Истома сладостный покой...
И снова мы горим друг другом,
И снова огненной рекой

Несёт на гребень наслажденья
Меня, мечты моей кристалл,
С тобой, источник вдохновенья,
Мой воплощённый идеал!

Майское

жене Виктории

Чудесный день. Деревья в белом.
Я шашлыки с костра несу.
Ты жжёшь траву. Вот это дело —
Снежинки пепла на носу.

Устроим скромную пирушку,
Прогнав усталость до поры,
Разлив вино простое в кружки,
Смакуя правила игры.

А облака стремятся с юга
Толпой упитанных коров.
И, будоража всю округу,
Слились дымы от двух костров.

Дельфины

Вот дельфины, морские люди,
День-деньской на безбрежной глади
Предаются игры усладе,
Не нуждаясь в труда орудьях.

Проявив о других заботу,
Утолив беспроblemно голод,
Каждый, чистой душой молод,
Шлёт привет остальному флоту,

Развлекаясь простой игрою,
Над которой ничто не властно —
Миллионы лет и ненастий
Обошли её стороною!

Так они и живут, играя,
Наслаждаясь теченьем жизни...
Не смотри на них с укоризной,
Не завидуй им, умирая.

Шут и короли

Жил-был старый король и был шут у него.
Ох, остёр его длинный язык!
Он шутил и язвил, не щадя никого,
И к свободе опасной привык.

Сам король иногда превращался в мишень
И грозился казнить без суда.
Но, скупая под гнётом дворцовых клише,
Возвращал из темницы всегда.

Было долгим и славным правленье. Увы,
Всё на свете имеет конец.
Старший отпрыск, любимец толпы и молвы,
Принял следом державный венец.

Шут не лез, как и прежде, за словом в карман,
Так что новый король сгоряча
Посчитал, что не выход — всего лишь тюрьма,
И позвать повелел палача.

Навсегда из пределов покоев дворца
Он изгнал отставного шута.
Три серебряных в правой руке бубенца,
А во рту не язык — пустота.

С той поры при дворе лицемерам — простор,
А лжецам, интриганам — почёт.
И пошли чередой за раздором раздор,
И утратам потерян был счёт...

А на рыночной площади всех веселя,
Бывший шут объяснялся с людьми
Только жестами. Старый слуга короля,
Он остался собой, первый мим.

Почти почта

Кате Непомнящей

Транжира...
Выкрою минутку
И чинно, с точностью аптечной
Пошлю письмо без отпечатков.
Галчат пачкучих опечаток
Ужо попотчую перчаткой!
Я буду скучен, сух и краток,
И кратких, впрочем, избегая.
И то сказать — уже не мальчик...
Всё тщетно. Истина нагая
Не промахнётся, тыча пальчик
В источник слёз.

Привыкни к маске...

Екатерине Молочниковой

Привыкни к маске тихого придурка
и в день крадись с бессмысленным «за что?»
Прилипнут взгляды к дырке в новой куртке,
ты их стирай, мечтая о пальто.
И полюби ты, наконец, прощанья,
прощайся с удовольствием, шутя,
и посылай хоть мысленно, но в баню
всех, кто не хочет, нос свой ворота,
с тобою знаться. Радостно и с песней
на тему одиночества наплюй.
Спасибо всем героям неизвестным,
которые бесплатно кораблю
твоих надежд волну организуют
навстречу. Эти мелочи — нули,
когда седлаешь снов своих борзую
и мчишься. И подъем еще вдали.

Дворовый футбол

Солнце ноябрьское низко и ласково,
Неспешно ползя на прикол,
Щедро искрится последними красками.
Мальчишки играют в футбол.

Напрочь забыты уроки, учебники,
И брызгами гравий летит.
Сзади на майках — бразильских волшебников
Прозванье, клеймо, логотип.

Есть только здесь и сейчас, без сомнения!
А прочее — выдумка, миф.
Медленно пью за мгновеньем мгновение
С проворными улич детьми.

Искры

Когда в потоке общем мирозданья
Две искры вдруг пути пересекут,
И в миг их мимолётного свиданья
Щека найдёт касанием щеку,
Пронзительная ясность осознанья
Проситься будет вылиться в строку.

Ведь искрам не дано предугадать —
Согреет ли их общая печать,
Иль встреча их — всего лишь взрыв сверхновой.
Но всё равно благодарю судьбу
За то, что, прекратив на миг стрельбу,
Дарит свиданий трепетное Слово.

Бисер

Усевшись в самомнения юркий глассер,
Спрошу я с оттопыренной губой:
«О боже мой, пред кем мечу я бисер?!»
А жизнь ответит мне: «Перед собой...»

Приступ мизантропии

Люди — не быдло, знаю я твёрдо.
Грустно — нередко в прекрасной России
Жизнь, проверяя на мизантропию,
Прячет их лица за гнусные морды.

Как яблоко

Нужен тебе
лишь бочок мой румяный.
Косточки — на пол.

За стеклом

Бабочка бьётся
в стекло непониманья.
Впустишь ли её?

Гарри Поттер

Кассету купил,
фильм «Гарри Поттер» на ней.
Деньги на ветер.

Телефон

Телефон
весело звонит.
Это меня!

Скелеты в шкафу

Люсе Иванцовой

Без башни жить мы стали, что ли —
к десятка третьего концу
у всех в шкафах скелетов вволю,
и отрезвления мацу
грызём, хрустя недоуменно,
а кости, знай, хрустят в шкафах.
Чем дальше, скажем откровенно,
тем больше в нас вползает страх
за дни, проведенные слепо
в бездумных играх золотых,
когда ещё на тех скелетах
дрожало мясо. Понятых
тогда никто не звал злорадно,
не тыкал носом в пыль углов...
И вот печально и прохладно
пустой глазницей наш улов
на нас поглядывает. Поздно
прощения теперь просить.
Нам остаётся ночью звёздной
их глубоко похоронить.

Интернет

Нет, интернет не зло и не добро,
В его вранье и правде нету рока.
Бессильно виртуальное тавро,
Вторичны виртуальные пороки.
Он — мост, он — инструмент для нас, людей,
Которые презрели расстоянья.
Он — только отражение в воде
И средство расширения сознания.

Раз собеседник грамоте учён,
То мысли передаст без искаженья,
И чувства, и улыбку, и поклон...
Всё искренне, какие тут сомненья?!
Он говорит (коль сидя не заснул)
Вчера — всерьёз, сегодня — для забавы;
И давит тёплой попою на стул,
А тёплыми ладонями — на клави.

Четверостишия в псевдокитайском стиле

Вот воробьишек стая небольшая
Кормушки старой облепила все края.
Ударит пушка, полдень возвещая,
Но разве пушкой испугаешь воробья?

В субботний день красавицу на рынок отпустил
Отец. И вот идёт она, прекрасна и легка.
А в придорожной лавочке торговец загрустил —
Товар его — косметика — не нужен ей пока.

Я камешек бросил с причала,
Летит он с волны на волну.
Кусок пенопласта печален —
Ему не уйти в глубину.

Разноцветная стая

Всем известно, что приходится несладко
 Белой птице средь товарок своих чёрных.
 Ей за цвет и за нелепые повадки
 Зуботычины упорно и проворно
 Щедрой мерою насыплют отовсюду.
 Но она, меж тем, уверена наивно,
 Что «чудак» как раз рождён от слова «чудо»,
 И нет места букве «м» вообще противной.
 Вот однажды всем гонимым белым птицам
 Сбиться в стаю, где уж чёрных вовсе нету,
 Меж собою удалось договориться.
 Как? Не важно. Ну пускай — по Интернету.
 Но когда они по шучьему веленью
 Все слетелись, то (и кто бы мог подумать?)
 Обнаружилось, что цвет их оперенья
 Разноцветней самоцветов Казад-Дума!
 Тут и жёлтые, и нежно-голубые,
 Ярко-красные, зелёные, серые,
 Фиолетовые, в крапинку, рябые...
 Пожилые и молочно-молодые.
 Им друг с другом хорошо и интересно!
 Но ведь стая — не кружок, не заморочка.
 Кто же будет вожаком? А не известно.
 С подчиненьем очень туго — одиночки.
 Если всё же о полёте в край заветный
 Чудом, ладно, чудачки договорятся,
 Как с детьми им, что черны вполне конкретно,
 Быть? А с теми, что потом уже родятся?

Воспитание тут слабая подмога —
 Дарит цвет тебе природа при рождении.
 И не спросит ли она нежданно строго
 С тех, кто ветрено не вняв её веленью,
 Сбросил ношу непохожего, иного,
 Стаю чёрной стопроцентно оставляя?
 Это ясно, друг, что чёрных очень много,
 Но тем большую же ценность представляет
 Их собрат, что оперением «не вышел»
 И, мозоля так глаза, пятном маячит.
 Он ценою синяков своих и шишек
 Жизнь-палитру для всех делает богаче.

Хитиновый танк

Я не люблю свой панцирь.
 Он снова и опять
 Мне жмет, мешает в танце,
 В нем трудно мир обнять.
 Ну как прижмешь тут к сердцу,
 Когда вокруг — хитин?!
 Коль в нем пропилишь дверцу —
 Нарушишь карантин.
 Он, правда, выручает,
 Когда тебе на грудь
 Вдруг кто-то наезжает
 Иль бросят что-нибудь.
 Тогда и пожалеешь,
 Что слишком тонок он.
 ...Потом все тяжелее
 Таскать такой заслон.
 Подумаешь: «Не нужен!»
 Взломаешь изнутри,
 И вылезешь наружу,
 Пуская пузыри,
 Поддавшийся экстазу,
 Весь мягкий и нагой...
 Ну блин, зачем же сразу
 Мне на спину — ногой?!
 В глазах круги и вспышки,
 Рефлексам — ноль контроль.
 Ни дна и ни покрывки!
 Я возвращаю боль...
 Ну все, пополз, пожалуй.
 Мне жаль, что вызвал стон,
 Ведь в ход пустил я жало,
 Поскольку — скорпион.

Я знаю, что виновен.
 Несу в себе грозу,
 Ведь сам из тех хреновин,
 Что ползают внизу.
 На панцирь все сильнее
 Мне будут наступать,
 Пока я не сумею
 Как следует летать.

Тем, кого не радует наступление зимы

Так трудно снежною порою
Рождаться солнечным героем.
Тартара сумрачного путы
Крепчали с каждою минутой,
И вот потерянной иголкой
В златом яйце лежишь без толку...

Но помнить нам необходимо,
Что Солнце-то непобедимо:
Восстав из пропасти забвенья,
Раздвинет цепкие коренья
Лучами, возродив надежду,
И засияет как и прежде.

Бомба в цветы

В поляну, где росли любви цветы,
Попала вдруг ты вакуумной бомбой.
И кубометры гулкой пустоты
Уродливым в душе застряли тромбом.

Но самолет мой вышел из пике,
Края сомкнулись плотно этой ямы.
И снова на зеленом островке
Цветы растут нахально и упрямо.

Ты не даешь...

Ты не даешь во мне уснуть поэту,
Ты не даешь окислиться внутри.
Благослови Господь тебя за это
И черт тебя за это побери!

Учителя жизни

Анаис

Все дети ангелы вполне, а мы туда же:
Когда те «дай» кричат, кричать их учим «на».
Не видим дальше носа собственного даже,
Но лезем умничать какого-то рожна,
Вбив в голову себе, что мы умеем
Зло от добра и ангела от черта отличать,
Смешав любовь со страстью, нагло смеем
Их души чистые чему-то поучать.
И добиваемся в конце таки прогресса,
Их превращая в копии себя.
Теперь они, как мы, под прессом стресса
Живут впустую, тщетно, не любя.
А мы уже на лавочках расселись
И, выйдя прочно в жизненный утиль,
Не можем скрыть злорадного веселья
И тычем назидательно костыль
В те самые нелепицы и вздоры,
Что им привили собственной рукой.
О творчестве — пустые разговоры;
Цена на самом деле лишь покой,
Комфорт и негу трепетного эго,
По замкнутому кругу мы бежим
И тащим их в петлю слепого бега,
Самим себе в упор не видя лжи.

Былинка

На закате сквозь яблонь уставших листву
Солнце стлалось лучами косыми.
В их потоке держалась легко на плаву,
Будто перышко глупой гусыни,
Невесомой звездой из миров колдовских
Полевая пушинка-былинка,
Растопырив, как ежик, свои волоски
Толщиной что твоя паутинка.

После сложных маневров в ладонь не спеша
Опустилась мою и тогда-то
Рассмотрел я ее. Чудо, как хороша,
Только в центре зерном не чревата.
Уж давно она семя свое не несет,
Путешествуя с ветром в союзе.
Так зачем же тогда весь твой сложный полет,
Нереально-воздушная муза?

Света нет

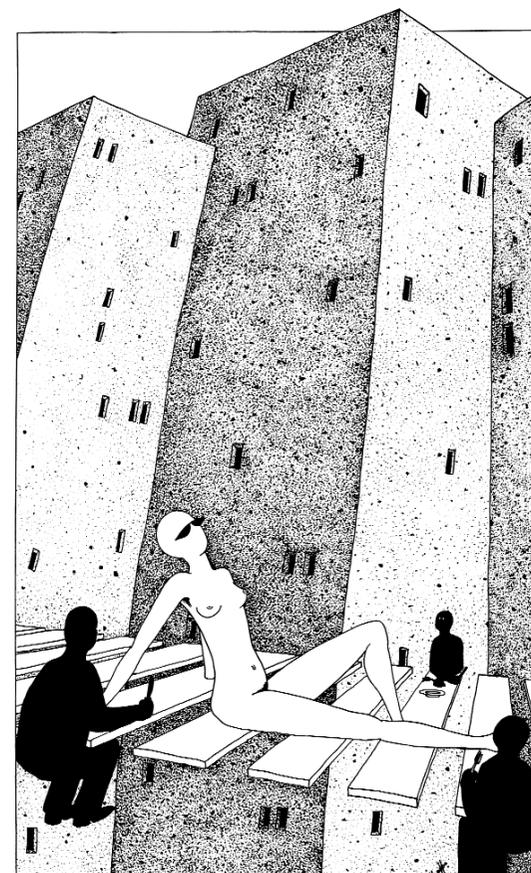
А в туалете так светло от свечки в ванной,
Всё, что мне надо, вижу я в дрожащем свете.
И все стремления мои — ещё желанней,
Их тени пляшут на стене в кордебалете.

Экраны дружно отошли, и Лёня с ними,
Приборы сдохли как один. Теряя стужу,
Князь-холодильник бунт неистовый поднимет
И всем жестоко отомстит — он пустит лужу.

Весь дом по горло в темноте. Балдеют кошки.
Все остальные — на покой — чего же боле?
А дом напротив свет завистливый в окошки
Уныло льёт, тоскуя вслух по нашей воле.

У всех неожиданно отменён рутинный вечер,
И пламя бьётся с темнотой, вздымая шорох.
А мы обязаны с собой волшебной встрече
Простой оплошности какого-то монтера.

Стихи Екатерины Ржевской

Холостяцкое*Н.Хозяиновой*

«Он холостяк. Иных достоинств нету.»
 Любить не мастер, но жениться — кандидат.
 Так может, жёстче сесть мне на диету
 И пригласить на рыбные котлеты?..
 Да он и так мне несказанно будет рад!
 Как трудно мне сживаться с ощущением,
 Что непозорных женихов ассортимент
 Имеет стойкую тенденцию к сужению,
 Иных рассматривать — мешает отвращенье.
 Счастливым брачный удаляется момент
 По-прежнему в туман. Конечно, к чёрту
 Сама себя пошлю (и буду вновь права!)
 За мысли о семье. Займусь весёлым спортом
 Гетеро-порно-сексуально-тёртым,
 И пусть мой имидж благодарная молва
 Разносит, будоража подсознание
 Фрейдистски-пошное... Но что за ерунда,
 Что за напасть и что за блажь баранья
 Со мной творится? И помогут ли камлания
 Мои лукавые? Устала я. Беда.

Пещерный человек*Н.Хозяиновой*

«Буквально смотрит в рот. Как стоматолог.»
 И трудно удалить его. Как зуб.
 Он — альпинист. Нет, даже спелеолог.
 Не обижается, коль тон мой слишком груб.
 Ну так сидел бы, что ль, в своих пещерах,
 Следя за ростом сталактита в сталагмит!
 Нет, он приходит и играет мне на нервах
 И что бы ни случилось — не хамит.
 Он — тишина, я — воплощение шума,
 В нём звук мой пропадает без следа.
 Он — бармен в центре буйного салуна,
 Он — пленнику на голову вода
 По капле в час...

Я думаю о Вас*О.Арефьевой*

«Я думаю о Вас в опасных дозах»,
 Вы, стыдно вспомнить, даже мне приснились!
 Я стыну в игнорирующих позах
 При виде Вас. Но с ноткою ванили
 Духи купила, разузнав случайно,
 Что запах сей приятен. Вам. Ужасно!
 Усилий куча сверхнеобычайных
 Истрачена позорно и напрасно
 На корчеванье Вас из подсознания.
 Рабой эмоций быть я не желаю!
 Так, всё, я говорю Вам «до свиданья»,
 Беру метлу и срочно улетаю!

Любовь весной*О.Арефьевой*

«Как утомляет симулировать нормальность»,
 Когда весна стучит рукою в лоб,
 Зима, спасаясь бегством в виртуальность,
 На память оставляет лишь озноб.

Сидишь, идёшь, и вдруг волной накатит
 И схлынет, не оставив ничего.
 Понятно всё, намёков явно хватит —
 Я влюблена, бесспорно. Но в кого?!

Гусеничная правда

О.Арефьевой

«Проснулась снова в том же самом теле»,
Что за напасть! Ещё и сон приснился,
Как будто я — не я на самом деле,
А толстый червь, что нитью весь обвился.

Я — гусеница! Мне поперек горла
Уж стали шелковичные осколки,
И понимаю с воплем Смеагорла,
Что крылья — ложь, а есть лишь смерть, и только.

Печаль моя светла

Печаль моя светла: она уже слиняла...
Н.Хозяинова

Придя домой, застала я разгром —
В шкафу две полки жутко пустовали.
Лишь пара тапок. Раньше вчетвером
Они уют при входе создавали.
Исчезли диски и магнитофон
И полотенце с кремами из ванной.
Из двери, за которою балкон,
Доносится немислимый и странный,
Давно забытый липы аромат,
Как будто нет гирлянды там носочной.
Обняв родной кухонный агрегат,
Я плачу. Нет сомнений, точно, точно,
С концами Он свалил!..

Мужик по вызову

Он — мой мужик по вызову, мне очень повезло.
Автоответчик новенький поставил он не зря.
Стартует из Черкизово и, всем смертям назло,
На опеле хреновеньком мальстром в моих морях
Является заштоповывать соратник по борьбе.
Улыбчив, шутки меткие, подтянут и силён...
Стара уж стала, чтобы врать, особенно — себе.
Шнур выну из розетки я. Пусть сам приедет он.

Кошка

Едва переступает он порог,
Она ему уже ужасно рада.
Пушистой лентой чёрною у ног
Довольно вьётся мелкою преградой.

Я ставлю чайник, чашками звеню,
Обдумывая темы для беседы.
Её совсем, совсем я не виню
За задранный трубою хвост победный.

Как только сел — она одним прыжком
Уже обосновалась на коленях.
Он ей приятен, издавна знаком,
Она его внимание так ценит.

У них почти безоблачный интим,
Они друг другу щедро дарят ласки.
«Да,- говорят,- мы вместе — top dream team,» —
Её хитрющие прижмуренные глазки.

А он её всё гладит, вот злодей.
Вечерний свет из тысячи окошек...
Ну почему так часто у людей
Намного всё сложнее, чем у кошек?!

О том, что внутри

Под куполом небесным облака
терзает зло и нервно ветер резкий.
Соседкой недовольная строка
все буквы превращает в арабески.
И дюжиной цыплят в одном яйце
устроив давку, бестолочь и смуту,
бестактно отражаясь на лице,
вопросы конвертируют валюту
сомнений и коротких сильных слов
в тяжёлую монету горьких истин.
Но небогат пока что мой улов —
всего лишь горсть сухих и тонких листьев,
готовых вмиг рассыпаться трухой
от чутких, но чужих прикосновений.
Весь прошлый опыт — стрелочник плохой
для череды насмешливых затмений.

Сбор винограда

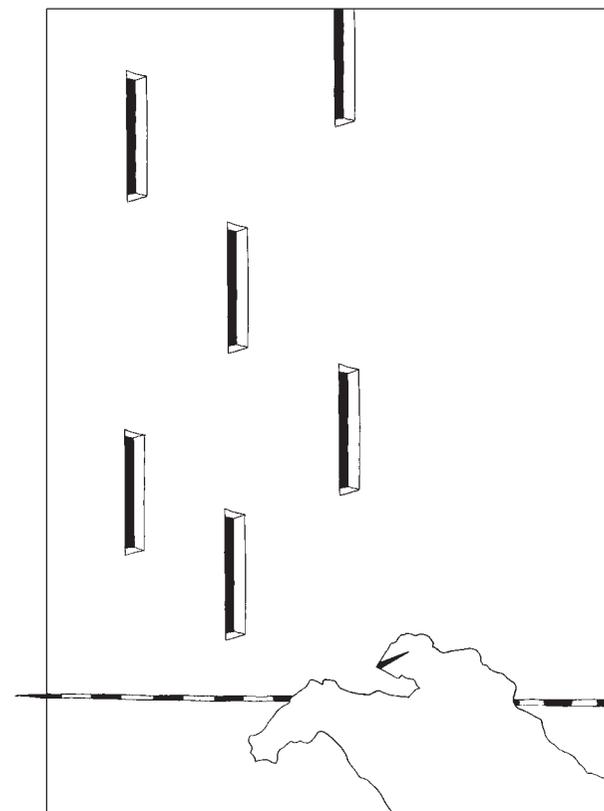
С осенней грустью кожу гладит солнце,
За лето подуставшее порядком.
Опавших листьев мягкие червонцы
Усыпали заброшенные грядки.

Костёр соседский дым распространяет
Прозрачно-сизый и щемяще-сладкий,
И птиц неперелётных чёрных стая
Несётся мимо с хитрою оглядкой.

Лозой обвиты домик и беседка,
Синеют гроздья, к нам просясь в корзинки.
Цветы приносит старая соседка,
В траве оставив тонкую тропинку.

А мы навстречу небу тянем руки,
Покрытые пьянящим липким соком,
И падают с глухим приятным стуком
Вниз виноградины из гнёзд своих высоких.

Старое, но любимое

Чёрный квадрат

Квадратные торты, стоящие боком,
И хаос свечей, что сгорели до срока.
Квадратик луны закрывают квадраты
Бессмысленных туч, всё спешащих куда-то.

Квадрат небосвода растянута упруго
Востоком и западом, севером — югом.
Стучат в мостовую квадратные скаты,
В ушах, как спасенье, квадратный ком ваты.

Квадратно метро дребезжит под ногами.
Квадратными трудно ворочать мозгами.
Впиваются в бок беспощадные грани
Квадратной монеты в квадратном кармане.

Квадратной башкой оцарапаны стены.
Квадратный пузырь зря извергнутой пены.
Любой из углов выбирать волен каждый,
И есть пятый угол — награда отважным.

Квадратные дети всё так же капризны.
Квадратом давно обернулся круг жизни.
Кристаллами стынута квадратные слёзы
В квадратных глазах на февральском морозе.

Вопросы

Я хочу с тобою говорить стихами
И облечь все чувства в клетку грустной формы.
Но в свои мы ямы попадаем сами,
Забываем напрочь, как плести узор, мы.

Как нам догадаться, где здесь цель и средство,
Кто же нам усыплет звездами дорогу?
Может быть друг с другом тесное соседство
Жадно помешает стать лицом к порогу?

Как с потоком быть нам сонма слов и чисел,
Что обман и правду валят в одну кучу?
Опыт ведь от знаний не всегда зависел,
Знание ж без пробы не было б могучим.

Может быть, всё бросить, слушать только сердцем?
Но, как утверждают, это лишь машина.
Прокричав, кукушка прячется за дверцей,
Чтобы мысль остаться не могла прийти нам.

Каждая женщина стоит того

Каждая женщина стоит того,
Чтобы её превратить в божество.
Каждый мужчина склонен к тому,
Чтобы, как раб, поклоняться ему.

На чердаке

Пыльные солнца потоки били сквозь длинные щели
Старой заслуженной крыши в замерший чутко чердак.
Сонно сверчок ниоткуда лил свои тихие трели,
В темных углах колыхалась из паутин борода.

Там на кровати огромной, древней и страшно скрипучей
Рядышком тесно сидели, книгу подставив под луч,
Юноша в майке и джинсах, позой своею измучен,
Девушка в стареньком свитре, волосы будто из туч.

Странной была эта книга. В ней говорилось, что птицы
Дружно весною стремятся в тёмный Норвегии лес.
Волосы девушки пахли ландышем, мятой, корицей.
Юноша втягивал жадно эту волшебную смесь.

Крупные петли из шерсти видел как будто в тумане.
Мерно под ними вздымалась юная круглая грудь.
Право же, нужно решаться! Вот он сейчас смело встанет,
Крепко сожмёт её плечи и скажет ей... что-нибудь!

Но непонятная сила мышцы надёжно сковала,
Комом слова стоят в горле, сухо и горько во рту.
Девушка книгу листает, и до конца уже мало.
Голуби возятся шумно, делят удобный уступ.

Близилось лето к финалу. Снова, пустой и бездушный,
Молча томится под пылью всеми забытый чердак.
Но с замирающим сердцем, памяти внемля послушной,
Юноша снова стремится в сладостных мук полумрак.

Он не в обиде ни капли на свою робость былую,
Что не давала нарушить чуткий покой волшебства.
Снова вернувшийся в лето, девушку он поцелует
Ту, что была в заблужденье и оказалась права.

Две волны

Когда из будущего вдруг
Волна проблем меня накроет,
Подобно древнему герою
Рубиться буду я с двух рук.

А может, силой увлечён,
В туман обманчивый и чудный,
В возне мышинной серых будней
Не одолею этот сон.

Но, отряхнув с волос песок,
С гремящим за спиной прибором
Без сожалений за собою
Оставляю жизни я кусок.

И сзади ряд остывших дел,
А с ними — половина жизни,
Где благодарность с укоризной
В одно слились в глазах судеб.

И тут, коварно невидна,
Непредсказуемо опасна,
Надежды на покой — напрасны,
Придет из прошлого волна.

Так что же лучше

Так что же лучше — тот ли час,
Когда куранты странствий бьют,
А за спиною щурит глаз
Домашний тёпленький уют;

Или когда в полночный час
За стенкой шум — тарелки бьют,
А ты находишь каждый раз
Лишь в пыльном кресле свой приют?

Принцесса на башне

Дождик прошел. Солнце множится лужами.
Мягко подол шелестит на ветру.
Пальчики лучики ловят в жемчужины,
Явно не веря в сухую жару.

Это неправда, что будто невольницей
В башню принцессу колдун посадил.
Ей двадцать лет никогда не исполнится.
Юность — бессмертье высокой груди.

Просто с площадки средь выступов каменных
Лучше смотреть на лежащий у ног
Мир, такой милый, далекий и маленький.
С праздничной свечки так виден пирог.

Мелкие страсти принцессе не ведомы.
Жизнь так понятна и воздух так свеж.
И не тревожат борьбою и бедами
Тени заведомо тщетных надежд.

Сказки зависит длина от способности,
Кроткий свой взгляд устремив в небеса,
Проигнорировать рыцарей доблестных,
Тех, что прискачут принцессу спасать.

Я продолжаю

Я продолжаю тебя открывать,
Всё повторяется снова и ново.
Новое чувство по-новому звать,
Для новой мысли есть новое слово.

Если жить стоит, то ради того,
Чтоб временами такое случалось.
Это — восторг, Божий дар, волшебство!
Даже намёк, даже самая малость!

Ты — часть меня. Ты — с планеты другой.
Ты вся прозрачна. Ты — множество граней.
Вот ты любимица. Тут же — изгой.
Буря в стакане и шторм в океане.

Памятны телу изгибы твои,
Даже твой запах оно излучает.
Кажется, в мире нам только двоим
Так хорошо и так плохо бывает.

Я открывать продолжаю тебя,
Но я хочу непременно чтоб было
Утро, когда ты в себе для себя
Самое главное в жизни открыла.

Пуškai ты злее сотни злюк...

Пуškai ты злее сотни злюк,
ПротИв тебя хор фурий — дети,
Пуškai ты хуже всех на свете —
Я все равно тебя люблю.

Признание

Еще не зная, кто ты мне —
Полжизни или снова боль,
Готов открыть наедине
Тебе я душу. Вот, изволь.

Богатств огромных не таит —
Едва хватает дно прикрыть.
Но все до капельки твоим,
Коли захочешь, может быть.

В ней далеко не все бело —
Тебе я честно признаюсь.
И победить помочь мне зло
Просить хочу я и боюсь.

Я верю из последних сил,
Что примешь и поймешь,
И то, что я тебе открыл,
Ты бережно возьмешь.

27 минут

Прокомпостировал билет
И плюхнулся к окну.
Теперь до всех мне дела нет
Аж двадцать семь минут.

А люди, ставшие родней,
Усталые сидят.
И так им ездить много дней,
Ох, много дней подряд.

Ну, кто счастливее всех тут —
Мечтать и вспоминать
Хочу сейчас я только ту,
Которая одна.

Я имя пальцем на стекле
Сто раз писать могу...
Огни мерцают в серой мгле
На правом берегу.

Прошлогодний след

В час, когда идут с работы
И недолго до беды,
На снегу заметил кто-то
Прошлогодние следы.

Каждый смотрит пред собою —
На асфальте гололед.
Но, толкаемый толпою,
Встал на месте пешеход.

Смотрит он, глазам не веря,
Опасаясь сон прогнать,
Смотрит, помня о потере,
На нехоженную пядь.

А на нежном слое снежном,
Незатоптанном ногой —
Боль утраченной надежды,
След потери дорогой.

Спрячь дрожащие ресницы,
Со слезой уйдет тоска.
Жизни кончена страница
Черной точкой каблучка.

Голосеевский лес

Вспоминаю я, глядя на прелесть небес,
Шорох листьев, с деревьев упавших;
Голосеевский лес, Голосеевский лес,
Светлым прошлым знакомо пропахший.

Кучи листьев и хвои на склонах,
Пересвисты пичужек простых.
Бурых сосен тугие колонны
Неприметной полны красоты.

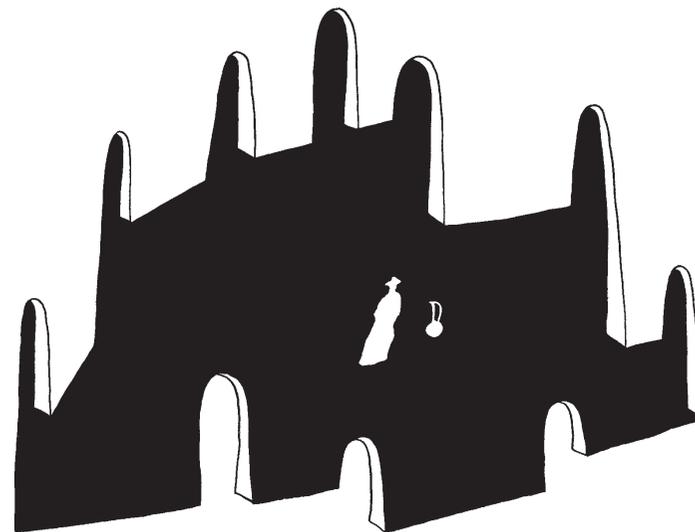
А озера! Пускай не кристальны,
И не стоит в них рыбу ловить,
Но как тянется утром хрустальным
За взлетающей уткою нить!

И зимою и летом прекрасно
Это место в черте городской,
И приходят сюда не напрасно —
Лес любому подарит покой.

Был ли вправду на голом посеян,
Иль за громкие птиц голоса,
Но название — лес Голосеев
Добрым грузом лежит на весах.

И пока своим долгом быть вынужден здесь,
Вдалеке от родного порога,
Ты как яркий маяк, Голосеевский лес,
Мне домой освещаешь дорогу.

Рубаи

- 1** **О Хайям, мне по нраву творенья твои.
Ты поэзии соком меня напоил.
А не веришь — спроси у любого живого —
Будут вечно бессмертны твои рубаи.**

- 2** Нам ход событий не опередить.
Упрямство так же глупо, сам суди,
Как если бы в бачке от унитаза
Аквариумных рыбок разводить.
- 3** Людей неинтересных в мире нет,
А идеальных меньше их вдвойне.
Об этом я не забывать стараюсь —
На свете жить тогда не скучно мне.
- 4** Поначалу все дети глупы.
Перед ними лежат две тропы.
Перед тем, как дарить детям розы,
Я прошу — удалите шипы.
- 5** Я сношу твои выходки, друг.
И не так уж все плохо вокруг.
Но, однако, послушай совета —
Не ступай за дозволенный круг.
- 6** Список проблем превратился в цветы,
Жизнь полетела на крыльях мечты...
Все это было б, поверь ты мне, явью,
Если бы не была замужем ты.
- 7** Вы не сочтите за гнилую спесь —
Невысоко цену пол слабый весь.
Но признаю, что и средь сонма женщин
Удачно Богом сделанные есть.
- 8** Я хотел бы забыть о тебе,
Сам с собой изнываю в борьбе.
Но по кругу идут мои мысли,
Все равно возвращаясь к тебе.

- 9** Свои ты остроумия ножи
В решительной готовности держи.
И в жизни это может пригодиться —
Всегда за шуткой легче скрыться лжи.
- 10** Замкнулись сны твои в кошмарный круг.
Проснувшись, оглянешься ты вокруг,
Но лишний раз лишь сможешь убедиться —
Действительность едва ли лучше, друг.
- 11** Всех женщин в мире не перелюбить.
Тут мало хоть каким гигантом быть.
Но будет все ж пускай твоим девизом
К достойной цели пыл всегда стремить.
- 12** При старом режиме в почете он был.
Система меняется. Кризис судьбы?
Ничуть не бывало. Обильно он пеплом
Главу посыпает... И вновь не забыт.
- 13** Пути господни неисповедимы.
Судя о Боге, Богом мы судимы.
Ты спрашиваешь, кто кого придумал?
Никто не знает. Лучше спи, родимый.
- 14** Да не сочтут достойные за труд
И крайностей в беседе избегут.
Одну из них мы называем «заумь»,
Другую крайность глупостью зовут.
- 15** Нам идеала недоступен храм,
Недостижим, подобно небесам.
Любой из нас не избежит ошибки,
Влюбляясь в то, что он придумал сам.

- 16** Всегда невинна молодая плоть.
И вы упреками не вздумайте колотить
Ее, живое воплощение жизни,
А зависть лишь пытайтесь побороть.
- 17** Журчит чуть слышно талая вода?
Ко мне, любовь, приди скорей тогда!
Весны дыханье, шорох, щебетанье...
И в райских мы заблудимся садах.
- 18** Ступеньками души спускаясь вниз,
Сильнейшее из чувств укажет жизнь.
Но не любовь то и не страх, не радость,
Не ненависть, не скука — эгоизм.
- 19** А может, зря, смущаясь до стыда,
Хороним мы, не пожалев труда,
Те ощущения, желания и мысли,
Что в голову приходят иногда?
- 20** Все несчастья гурьбой навалились.
Слезы мышки коту не отлились.
И печален безрадостный вывод —
В мире царствует несправедливость.
- 21** Ты светоч был и упование многих.
Цветы, дары текли тебе под ноги.
Теперь же ты осмеян и отвергнут.
Не тем ты указал не те дороги.
- 22** О преф, благословенная игра!
В нее б играл с утра и до утра.
Распас, висты, торговля, прикуп, мизер...
Блаженная студенчества пора.

- 23** Я боюсь, хоть держусь молодцом,
Что свое потеряю лицо.
В мире всем ничего нету хуже,
Чем предстать пред тобой подлецом.
- 24** Была нелегкой миссия Христа
И сложной притч святая простота.
И понял он, что нам свое ученье
Все ж втолковать не сможет без креста.
- 25** Эй, дураки, плотней держи ряды!
Поврозь ведь вам недолго до беды.
Но если глупость генерирует система,
Спасенья нет от дураков орды.
- 26** Вся наша жизнь — сплошные параллели.
Путями разными идем к единой цели.
И дай нам Бог, чтобы потом не оказалось,
Что к разным целям параллельно не успели.
- 27** Вонзилась в сердце с силою ножа.
Его движения я чувствовал, дрожа:
Любовь и ревность, боль и безысходность...
Вдруг все исчезло с легкостью ужа.
- 28** Согрет поэзией нередко мой досуг;
По пашне рифм тяну созвучий плуг.
Хочу гарантий я, но где же их достанешь,
Что борозда не оборвется вдруг.
- 29** Я эгоист, я знаю. Ведь прошу
Открыть мне душу. Сам же не спешу.
Виной тому, возможно, прошлый опыт.
И все же я когда-нибудь решусь.

- 30** Поэзия — не трели птичек певчих.
Бывает, время давит, а не лечит.
И мучит слово иногда, как тот нарыв.
А выдавишь — и сразу станет легче.
- 31** Наши дети — наш груз. И не сбросишь сей гнет.
Шар воздушной мечты, под вопросом твой взлет.
Но с другой стороны, груз сей легче воды —
Лодке нашей надежды тонуть не дает.
- 32** Любовь моя, зачем к тебе иду
Закрыв глаза, шатаясь, как в бреду?
Виной тому загадочное чувство,
Что только так к тебе я попаду.
- 33** Быть умным плохо. Горе от ума.
Всесильна окружающая тьма.
Ведь от того, что глянешь на термометр,
Не будет все равно теплой зима.
- 34** Не знаю я, куда теперь идти,
Уж многие опробовал пути.
Но сердца стук, как прежде, спокоен —
Не смог пока я нужного найти.
- 35** Давно ль тебя в объятьях я держал...
Но все права теперь завоевал
Твой милый муж. И все же, я надеюсь,
Никто тебя нежней не обнимал.
- 36** Я буду в спорах на сужденья скор.
Свет истины? Да разве в этом спор?
Стремимся доказать мы оппоненту,
Что он дурак иль мыслей чужих вор.

- 37** Пускай на Землю упадет Луна,
И лампа Солнца станет вдруг темна,
Пускай вовек мне не увидать звезды —
Ты для меня останешься одна.
- 38** Бывает, ночь замрет на половине,
И время вязнет, как в болотной тине.
И вот тогда до злых мурашек страшно
Становится без видимой причины.
- 39** Существует огромное множество правд —
Ведь никто не откажется от своих прав
На свою, для него лишь бесспорную правду,
И не будет, коль вдуматься, так уж неправ.
- 40** Наше тело — корзина с мешками,
Шар — душа. Но как часто мы сами,
Позабыв обо всем, ей взлететь не даем
Над заботами, долгом, делами.
- 41** Бывают дни, когда под силу все —
Силен, как слон, упорен, как осел,
Мудр, как сова. Но очень часто древо
Ты без плодов, как и всегда, трясешь.
- 42** Уж поздний час, но нет желанья спать.
Боишься ночь в права свои вступать.
Ты гредишь наяву, и сонмы мыслей
Не устают причудливо порхать.
- 43** Бывает, мне кажется — вижу насквозь.
Тогда бесполезно принятие поз.
Другой раз не зрю очевиднейшей вещи.
Так в чем здесь причина? Нелегкий вопрос.

- 44** Попадешься, бывает, на гнусной ты лжи
И потом — как закон — что уже не скажи —
Ни за что те же люди тебе не поверят.
И хоть голову ты на отрез положи.
- 45** Как часто зная: жить так не годится,
Не отступаем от дурных традиций.
В пороках вязнем, миримся с обманом...
Струится жизни мутная водица.
- 46** Со мной играет случай в кошки-мышки,
Ни дна пускай ему и ни покрывки!
С другой же стороны, прямая польза —
О жизни правду знать не понаслышке.
- 47** И все-таки на них мы не похожи.
Негоже, подражая, лезть из кожи.
И верю я — настанет это время,
Когда злой рок устанет нас тревожить.
- 48** От всей души мы благодарны людям,
Учившим нас. Их хлеб тем больше труден,
Что с удовольствием их слушали часами.
И с уважением о них мы не забудем.
- 49** Коль мысль, явясь, меня покинет вдруг,
Горюю, но не очень я, мой друг.
Она ко мне уже дорогу знает —
Придет, надев стыдливую чадру.
- 50** Когда медали вешают на грудь,
От гордости не можем мы вздохнуть.
И лишь потом, не все, но понимаем,
Что мы не тот пройти хотели путь.

- 51** Шутить я шутки долго не умею,
Теперь не жди, что все же пожалею.
Одним уж не отделаться испугом:
Я — твой Везувий, ты — мои Помпеи.
- 52** Когда в мозгах — кромешная гроза,
Не ясно мне, где «против», а где «за» —
Поспешный крик не выпускают губы,
А просто закрываются глаза.
- 53** Жестоко ошибаются ослы,
Считая, что умнее, чем козлы.
Но и козлов опасно заблужденье,
Раз думают — глупее них ослы.
- 54** Когда снаружи лучше, чем внутри,
По сторонам внимательно смотри —
Ведь долго так обычно не бывает;
И ключ от двери всякий раз бери.
- 55** Едва сомнений появилась тень,
Одно из двух — зародыш в тот же день
Ее быстрее должен уничтожить,
Иначе ты — подстреленный олень.
- 56** Ночные бденья дела не решат.
Ночные рифмы медленней спешат.
Ночные мысли (часто так бывает) —
Воды холодной на уши ушат.
- 57** Вот образ времени, известный нам давно —
Двуликий Янус. И глядит оно
Лицом вперед — там страшно, интересно.
Другим назад — там грустно и смешно.

- 58** О мелочи! Вы голова всему.
Идея — прах, когда ее саму
Ты воплотил, о частностях не вспомнив;
Ее развеет первый же самум.
- 59** Дети мысль осознают однажды,
Что отцы были правы их дважды.
И все ж правильным было решенье
Старый опыт отвергнуть отважно.
- 60** Получу ль на вопрос я толковый ответ,
Что на истину может пролить ярче свет:
С дальновидной уступкою мягкое «да»,
Или четкое, твердо звучащее «нет»?
- 61** Верх тупости — пытаться доказать
Тупому его тупость. Все ли за?
Верх мудрости тогда, раз вы согласны,-
Все то же все тому же доказать.
- 62** Хоть женская карма сложнее мужской,
Нам в поисках женщин не ведом покой.
Причем не любой — самого совершенства!
Хоть знаем, что нету, наверно, такой.
- 63** Когда насмешливо судьба
закроет перед нами дверь,
И поломается арба, и где-то вдруг завоюет зверь,
Спешу к тебе. Смешна тогда ничтожных череда потерь.
- 64** Мы все — ключи для скважины замочной,
Но лишь к своей подходим только точно.
И кажется — одна у нас свобода —
Замок открыть или застряв в нем прочно.

Содержание

Предисловие	2
Интернет-ссылки	4
Список иллюстраций	4

Из Питера с любовью

Питер. Каналы и мосты	6
Питер. Новая Голландия. Silentium	7
Питер. Аврора	7
Питер. Вотская пятинка today	8
Питер. Закаты на ул. Доблести	8

Год Обезьяны

Зимняя зарисовочка	10
Консервированное лето или Зимнее неунывающее	10
Ночью в карауле	11
Поцелуй на ветру взглядов	13
Развод	13
Чёртово колесо	14
Свидание	15
Весенняя бессонница	15
Камень ножницы бумага	16
Матрица марта	17
Майские страдания неюного Вертера	17
Воробьёвы горы	18
Скарб Арбата	18
В ладье ладони	19
Полет шмеля из Петербурга в Москву	20
Коктебель	21
Судак	21
Киев, 18 ноября 2004	22
Белое и чёрное	22
Киев, 3 декабря 2004	23
Нет похмелью!	23
Альтернативный отдых	24
Зимний ПХД	24

Некоторые стихи 2001-03 гг

Архитектура Подмосковья	26
Без третьего глаза	27
Не-бо, не-беса	27
Секс с любимой женщиной	28
Майское	29
Дельфины	29
Шут и короли	30
Почти почта	31
Привыкни к маске...	31
Планы на завтра	32
Особенности либидо	33
Дворовый футбол	34
Искры	34
Бисер	34
Приступ мизантропии	35
Как яблоко	35
За стеклом	35
Гарри Поттер	35
Телефон	35
Скелеты в шкафу	36
Интернет	37
Четверостишия в псевдокитайском стиле	37
Разноцветная стая	38
Хитиновый танк	39
Тем, кого не радует наступление зимы	40
Бомба в цветы	40
Ты не даешь...	40
Учителя жизни	41
Былинка	42
Света нет	42

Стихи Екатерины Ржевской

Холостяцкое	44
Пещерный человек	44
Я думаю о Вас	45
Любовь весной	45
Гусеничная правда	46

Печаль моя светла	46
Мужик по вызову	47
Кошка	47
О том, что внутри	48
Сбор винограда	48

Старое, но любимое

Чёрный квадрат	50
Вопросы	51
Каждая женщина стоит того...	51
На чердаке	52
Две волны	53
Так что же лучше	53
Принцесса на башне	54
Я продолжаю	55
Пускай ты злее сотни злюк...	55
Признание	56
27 минут	56
Прошлогодний след	57
Голосеевский лес	58

Рубаи

1	59
2-8	60
9-15	61
16-22	62
23-29	63
30-36	64
37-43	65
44-50	66
51-57	67
58-64	68

Андрей Рассказов
"Игра в города"
поэтический сборник

В авторской редакции

Вступительная статья:
Маша Дубиковская

Художественное оформление:
Игорь Цикура
